

ТЕРМИНОЛОГИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИКОНИЧНОСТИ

*Работа представлена кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации
Ростовского государственного экономического университета.*

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор Т. В. Евсюкова

В статье говорится о том, что характерный для современной лингвистики когнитивно-дискурсивный подход позволяет преодолеть объективные препятствия для рассмотрения терминосистемы сквозь призму иконичности и говорить о том, что иконичность в терминологии так же, как и в естественном языке, пронизывает все уровни.

The author of the article states that the cognitive-discourse approach typical of the modern linguistics helps to overcome the objective obstacles to considering the system of terms through the prism of iconicity, and to claim that iconicity penetrates through all levels of terminology, as it does in the natural language.

Долгое время приоритетным и единственным правильным считалось изучение терминов как «лингвистических "трупов"». Причины этого, возможно, кроются в том, что к середине XX в. сложилось понимание термина как «рафинированной» единицы специальной области знания или деятель-

ности (ср.: в 1952 г. Р. Г. Пиотровский писал о том, что вопрос об однозначности, точной семантической очерченности[™] и абсолютной семантической нейтральности терминов представляется для большинства языковедов почти решенным). А методология изучения терминосистем «в самих себе

и для себя» сохранялась вплоть до конца столетия, поскольку считалось, что «терминологическая лексика достаточно далека от лексики литературного языка, а терминологические системы автономны по отношению к нему»². Действительно, термин входит в общую лексическую систему языка через посредство конкретной терминологической системы (терминологии), а все его отличительные особенности, как-то: *системность, наличие дефиниции, тенденция к моносемичности, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность* - реализуются только внутри терминологического поля, за пределами которого термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики. Однако еще Ф. де Соссюр писал о том, что «язык - это корабль в море, не на верфи» и «изучать корабль как таковой должно только как корабль на плаву». Терминология не исключение, ибо терминам «ничто языковое не чуждо»³. Термин, как и слово, - языковой знак, т. е. «материально-идеальное образование», представляющее собой «единство определенного мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего)»⁴. И следовательно, к терминам в полной мере применима знаковая теория Чарльза Сандерса Пирса, который проводил резкое различие между «материальными качествами» - означающим любого знака и его «непосредственной интерпретацией», т. е. означаемым. Знаки, или, по терминологии Ч. Пирса, репрезентанты, обнаруживают три основных вида знакобозначения, три различных «репрезентативных свойства», которые основаны на разных взаимоотношениях между означающим и означаемым. Это различие позволило Пирсу выделить три основных типа знаков: *икона - индекс - символ*.

В теоретической лингвистике типологию Ч. С. Пирса правильнее называть типологией Пирса-Якобсона, поскольку Р. О. Якобсон в статье «В поисках сущности языка», опираясь на идеи Пирса, выделил три типа

знаков, различных по способу представления когнитивного содержания: *иконические, индексальные и символические*.

В *иконических знаках* означающее сходно с означаемым; такое сходство характерно для изображения действительности в живописи, скульптуре, кино. Первое замечает второе «просто потому, что оно на него похоже».

В *индексальных знаках* означающее смежно с означаемым, т. е. «действие индекса зависит от ассоциации по смежности».

В *символических знаках* связь между означающим и означаемым условна («конвенциональна», «произвольна», «арбитрарна»), т. е. основана на сознательной договоренности.

В одной из посмертных работ Ч. Пирса, завершая анализ и классификацию знаков, писал: «Итак, способ существования символа отличается от способа существования иконического знака и индекса. Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти. Индекс существует в настоящем опыте. Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто определенно будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия, а именно если символ окажет влияние на мысль и поведение его интерпретатора. Каждое слово есть символ. Каждое предложение - символ. Каждая книга - символ... Ценность символа в том, что он служит для придания рациональности мысли и поведению и позволяет предсказывать будущее». И далее: «Все истинно общее относится к неопределенному будущему, потому что прошлое содержит только некоторое множество таких случаев, которые уже произошли. Прошлое есть действительный факт. Но общее правило не может быть реализовано полностью. Это потенциальность; и его способ существования - esse in futuro "быть в будущем"»⁵.

При наложении классификации Пирса-Якобсона на основные постулаты отече-

ственного терминоведения оказывается, что любой термин - это символ, ср.:

- Символ - это то, что служит условным знаком какого-то понятия.

Термин - произвольное обозначение, употребляемое «по договоренности».

- В основе символа лежит «общий закон», так называемая вечная потенциальность, истинный символ - это «символ, который имеет общее значение», в свою очередь, «это значение может быть только символом».

Термин обладает обобщенным, отвлеченным значением, иногда даже допускающим различное толкование.

- Способ существования и символа и термина - *esse in futuro* «быть в будущем».

Все это верно, если, во-первых, понимать термин только как элемент определенной системы и не учитывать функциональный аспект и, во-вторых, описывать терминосистемы технических и естественных наук, в которых основную роль играет объективное начало, а так называемый человеческий фактор не учитывается вовсе. То есть термин как элемент терминосистемы есть символ, но действительный статус терминологических единиц и категорий как знаковых сущностей возможно установить, только обратившись к структуре дискурса, в котором собственно и происходит их становление и функционирование. Ср.: «система (код) языка и дискурс (текст)⁶ имеют различную семиологическую ориентацию: система - на символичность, текст - на иконичность, и это различие является одним из факторов языковой динамики»⁷.

Следующим шагом на пути устранения объективных препятствий для рассмотрения терминолексики сквозь призму иконичности стало признание того факта, что в основе терминологизации «часто лежит метафора»⁸. До недавнего времени метафоричность в научных текстах нередко воспринималась как некоторая случайность и даже нарушение канонов научного стиля. Так, по наблюдениям В. П. Даниленко, «в

практической работе по упорядочиванию терминов метафорические образования стараются заменить теми, которые отражают классификационные признаки»⁹. Однако современные исследования (В. В. Петров, Л. М. Алексеева, К. В. Томашевская и др.) показывают, что метафора - вполне закономерное явление и в научной речи.

По справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой¹⁰, отношение к употреблению метафоры в научной терминологии и теоретическом тексте менялось в зависимости от многих факторов - от общего контекста научной и культурной жизни общества, от философских воззрений разных авторов, от оценки научной методологии, в частности роли, отводимой в ней интуиции и аналогическому мышлению, от характера научной области, от взглядов на язык, его сущность и предназначение, наконец, от понимания природы самой метафоры.

Роль метафоры в языке науки прямо пропорциональна усложнению связей между научными законами и реальностью. Если античные ученые непосредственно отождествляли свои конструкции с характеристиками бытия, то в дальнейшем - с признанием важности эксперимента, математизацией науки - процедура интерпретации усложнилась. Теоретический и эмпирический объекты, ранее прямо отождествлявшиеся, оказались «разведенными», что потребовало введения дополнительной предметной интерпретации. Более того, целью современных теоретических конструкций часто полагается не описание и объяснение «индивидуального» поведения объекта, а скорее области *возможного* поведения класса объектов. Это значит, что процедура «онтологизации» такого рода теорий еще более усложняется, а следовательно, возрастает роль вспомогательных конструкций, в том числе и метафор, в их интерпретации. Метафора становится одним из основных орудий научного поиска. В результате терминоведы «узаконили» статус метафоры в языке науки и в полной мере оценили ее

роль в научном дискурсе. И теперь «в отечественной лингвистике не существует никаких объективных препятствий для рассмотрения языка (в нашем случае - терминолексики-¹¹ £. M.) сквозь призму иконичности».

Очевидно, что ни один язык, пусть даже искусственный (каковым является любой язык для специальных целей), не может быть в семиотическом плане исключительно символичным. Другой вопрос, в какой степени тот или иной язык иконичен и в какой мере его иконические свойства определяют речевую (дискурсивную) деятельность человека. По мысли Ч. С. Пирса, иконические знаки исключительно важны в актах коммуникации. «Единственный способ передачи какой-либо идеи, - писал Пирс, - состоит в передаче посредством иконического знака. Всякий косвенный метод передачи (*communicating*) идеи должен быть основан на применении иконического знака. Следовательно, каждое утверждение должно содержать иконический знак или ряд иконических знаков или содержать знаки, значение которых может быть объяснено лишь с помощью иконических знаков»¹². Одним из недостатков «рафинированного» термина, отражающего только классификационные признаки и являющегося символом, можно считать отсутствие внутренней формы, свойственной иконическим знакам.

Итак, иконический знак, по Пирсу, основан на фактическом подобии означающего и означаемого. Согласно Пирсу, иконические знаки представляют собой неоднородное явление, включающее элементы разной степени иконической репрезентации: образ, диаграмма и метафора, причем от образа к метафоре степень иконичности уменьшается.

Образ, по Пирсу, есть отражение «простых качеств» (simple qualities) означаемого в означающем. Примеры таких знаков в языке - ономатопеи и идеофоны.

Ономатопеи - это звукоподражательные слова, основанные на закономерной

непроизвольной, фонетически мотивированной связи между фонемами слова и лежащим в основе номинации *звуковым (акустическим)* признаком денотата (мотивом).

Идеофоны - звукосимволические слова, основанные на закономерной непроизвольной, фонетически мотивированной связи между фонемами слова и полагаемым в основу номинации *незвуковым (неакустическим)* признаком денотата (мотивом). Особенно часто обозначают различные виды движения, световые явления, форму, величину, удаленность объектов, свойства их поверхности, походку, мимику, физиологическое и эмоциональное состояние человека и животных.

В научном дискурсе, а точнее, в такой его разновидности, как профессиональный язык ученых, можно встретить примеры и ономатопеи и идеофонов (ср.: лингв, *шипящие, аффрикаты, слог* и др.; омонимичные в различных языках для специальных целей всевозможные *пищалки, вертушки* и т. д.). При широком понимании идеофонов, согласно которому звукосимволическими являются не только те слова, которые ощущаются таковыми современными носителями языка, но и те, в которых эта связь в ходе развития языка оказалась ослабленной (и даже на первый взгляд утраченной), но в которых с помощью метода фоносемантического анализа данная связь выявляется (под данное толкование попадают и ономатопеи), количество примеров образов (по Пирсу) значительно увеличивается.

В *диаграммах* отношения в означающем соответствуют отношениям в означаемом. Диаграмматическим является тот знак, отношения между частями которого аналогичны отношениям между частями некоей вещи (*of one thing*), обозначенной им. Рассматривая в качестве примеров диаграмм геометрические чертежи и схемы, Пирс специфику их иконических свойств видит в том, что «наглядная схема вовсе не должна иметь чувственного сходства с ее объектом. Достаточно, чтобы имела место аналогия

между отношениями частей того и другого»¹³. Тем самым в отличие от образов отношения сходства в диаграммах более абстрактны, и, следовательно, степень иконичности диаграмм меньше, чем аналогичный показатель у образных знаков.

Рассмотрение различных множеств диаграмм приводит Пирса к утверждению, что каждое алгебраическое уравнение является иконическим знаком, поскольку оно представляет с помощью алгебраических знаков (которые сами иконическими не являются) отношения соответствующих количеств. Любая алгебраическая формула оказывается иконическим знаком в силу правил коммутации, ассоциации и дистрибуции символов. Таким образом, «алгебра – лишь одна из разновидностей диаграммы», а «язык – лишь один из видов алгебры». Пирс отчетливо понимал, что, например, «аранжировка слов в предложении должна служить в качестве иконического знака, чтобы предложение могло быть понято».

Различные проявления диаграмматического иконизма с конца 1970-х – начала 1980-х гг. изучаются в рамках особой научной дисциплины – естественной морфологии, согласно существенной закономерности которой «протяженность знака отражает иконически его семантическую сложность»¹⁴. Постольку термины являются частью максимальной лексической системы языка, они подчиняются естественным законам языка и имеют те же морфологические характеристики и особенности, что и другие слова языка. Поэтому логично утверждать, что диаграмматический иконизм является одним из принципов организации морфологической системы языков для специальных целей как «подъязыков» общелiterатурного языка. В современном экономическом дискурсе примерами диаграмматического иконизма на уровне морфологии могут служить, например, эргонимы и маркировки, коннотирующие принадлежность одной фирме-производителю, ср.: *Twix*, *Twixells* и др.

Диаграмматические эргонимы и маркировки служат для передачи прагматического значения рациональной оценки. То, что потенциальным покупателям необходимо помочь сориентироваться в многообразии товаров и быстрее найти товар понравившегося производителя, первыми поняли европейцы и американцы, заинтересованные в привлечении постоянных клиентов и акцентирующие внимание на том, что товар принадлежит именно этому производителю. Изначально для этого использовали запатентованные логотипы брендов, торговых марок. Затем начали создавать продуктивные модели названий товаров, используя часть слова от названия компании или концерна, ср.: *Nescafe*, *Nested*, *Nestle*, *Nesquik* и т. д. Этому примеру последовали и крупные российские компании, например: «Данон», «Данетт», «Даниссимо». Это делает возможным создание новых названий для новых продуктов с одновременной маркировкой их относительно принадлежности одной и той же компании-производителю. Дальнейшее использование подобных морфем возможно только внутри определенной компании. Использование же их другим производителем в соответствии с положениями судебной лингвистической экспертизы материально наказуемо.

Значительно большую безнаказанную сочетаемость имеют в русском языке суффиксы. Так, например, в сознании русскоязычного населения уже сформировался некий псевдосуффикс сухариков – *-ашки/-ешки*: «Кириешки», «Сухарешки», «Компашки», «Хрусташки» и др. По объективным причинам невозможно стать обладателем авторских прав на суффиксальную морфему, и это позволяет будущим производителям легко образовывать новые слова по уже известной, отработанной и зарекомендовавшей себя производной модели. В скорейшей и максимально точной ориентации в море товаров заинтересованы и покупатели и производители, поэтому

вполне возможно, что в скором времени появятся какие-нибудь «*Кусашки*» или «*Заедашки*».

Даже при условии, что отдельные учёные считают диаграмматический иконизм в морфологии периферийным явлением и отказывают ему в статусе одного из системоорганизующих принципов морфологии, никто не отрицает его языковую и психологическую реальность в сфере синтаксиса. «Диаграммное соответствие в языковых знаках можно усмотреть частично на синтаксическом уровне, где линейная последовательность членов синтаксической группы находится в определенной иконической зависимости от отношений порядка или ранга на уровне означаемых»¹⁵. Очевидно, синтаксический уровень языков для специальных целей как «подъязыков» естественного языка также предполагает наличие диаграмматического иконизма.

Наименьшая степень иконической презентации, по Пирсу, заключена в метафоре. Метафору Ч. Пирс понимает как знак, основанный на соотнесенности его означающего с каким-либо элементом в другом знаке. Интересно, что в большинстве лингвистических исследований, опирающихся в какой-то мере на пирсовскую концепцию знака, и прежде всего в работах Р. О. Якобсона, метафора даже не упоминается как один из модусов иконичности. И все же метафора, говоря языком Ф. Соссюра, относительно мотивированный знак, а следовательно, иконичный относительно системы.

Рассмотренные выше примеры позволяют говорить о том, что иконичность в терминологии так же, как и в естественном языке, пронизывает все уровни, а приоритетный в настоящее время дискурсивный подход позволяет преодолеть объективные препятствия для рассмотрения терминологии сквозь призму иконичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: «В медицине строение человека изучается на трупах, но это изучение не дает представления о функционировании живого организма. Лингвистический "труп" также изучается самым настоящим образом. Это главное содержание традиционной лингвистики» (Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 147).

² Суперанская А. В. Литературный язык и терминологическая лексика // Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях союзных республик. М., 1983. С. 90.

³ Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975. С. 39.

⁴ ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 167.

⁵ Цит. по: Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 111-129.

⁶ В приведенной цитате автор отождествляет понятия «дискурс» и «текст», которые в настоящее время уже достаточно четко разведены.

⁷ Виноградов В. А. Иерархия категорий в грамматической типологии // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists. Berlin, 1992. С. 243.

⁸ ЛЭС. С. 508.

⁹ Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. С. 188.

¹⁰ Арутюнова Н. Д. Вступительная статья // Теория метафоры М.: Прогресс, 1990. С. 10.

¹¹ Сигал К. Я. Проблема иконичности в языке (обзор литературы) // Вопросы языкоznания. 1997. № 6. С. 100.

¹² Цит. по: Якобсон Р. О. Указ. соч.

¹³ Там же.

¹⁴ Кубрякова Е. С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкоznания. 1993. № 4. С. 24.

¹⁵ Гамкрелидзе Т. В. «Принцип дополнительности» и проблема произвольности языкового знака. Тбилиси, 1976. С. 12.